

Михаил Жебрак

ИТАЛИЯ

АРХИТЕКТУРНЫЕ ЗАГАДКИ

Пешком по городу. Культурный детектив

Михаил Юрьевич Жебрак
Италия.
Архитектурные загадки
Серия «Пешком по городу.
Культурный детектив»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68900940
Италия. Архитектурные загадки : АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-121249-0*

Аннотация

Михаил Жебрак – экскурсовод, автор и ведущий программы «Пешком» на телеканале «Культура». Автор книг о Москве и Подмосковье. Много лет Михаил придумывал игры-детективы в музеях, в которых уликами и подсказками служили статуи и картины: чтобы вычислить преступника, надо было прежде разобраться в произведениях искусства.

Детективы делятся на герметичные, политические, полицейские, иронические... Эта книга – самый настоящий культурологический детектив – закрученный сюжет, обаятельный герой и множество загадок.

Две истории, два итальянских города – Милан и Верона – с этой книгой можно не просто гулять по улицам, а увлечься историей и пройти по пути следования героя книги. Либо

совершить захватывающую виртуальную прогулку не выходя из дома. В книге много вопросов, связанных с произведениями искусства и архитектурными объектами. Найти ответ помогут герои, иллюстрации и фотографии. Также для удобства в конце книги вы найдете qr-коды, которые помогут вам в быстром доступе к интернет-страницам с произведениями искусства.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Миланская Матрешка	6
К Читателю	6
Искушение ума и глаза	16
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Жебрак

Италия.

Архитектурные загадки

© ООО «Издательство АСТ», 2023

© Жебрак М.Ю.

Миланская Матрешка

К Читателю

Милан большой. Это не стандартная характеристика миллионника и не описание запруженных улиц, кстати, в толпе будут в основном итальянцы. Это обрушивающееся на тебя ощущение. Верона теплая, Венеция причудливая, Пиза изящная, а Милан – большой. В Милане ты оказываешь-

ся в стране великанов. Но понимаешь это не по-гулливеровски сразу, а как Маша из сказки – с третьей попытки. Первый храм обычного размера, следующий музей огромный, но обозримый, а вот третий стул уже и придвинуть к столу не по силам. Узкие улицы, очаровательные старинные трамвайчики, малые голландцы пинакотеки действительно малы – десять на пятнадцать сантиметров. За листвой можно не увидеть леса. За зеленью, коей расплачиваются в ресторанах и бутиках, многие не видят размаха Милана. В Милане самый большой вокзал в Европе, матка вокзалов. И если бесконечность застекленных дебаркадеров можно объяснить плотным расписанием, то для кого строили мегалитические залы и лестницы? Во многих странах мечтали о сверхчеловеке, но только в Италии для него построили город. Этому гиганту впору пришелся семиметровый бронзовый конь Леонардо да Винчи, он проходил, не сгибаясь, под сводом галереи Виктора Эммануила II.

Дуомо Милана – просторнее не сыскать, а его мраморные статуи не рассадить и по две в креслах Ла Скала – главного оперного театра мира. Мраморных жителей Милана вместит только местный стадион – «Сан-Сиро». Пора перестать подшучивать над теми, кто решит в Ломбардии ограничиться дегустацией сыров и вина. Им непросто, формации формаджио¹ разнообразны, кависты² лживы, подагра не дремлет, но при должном усердии такой труд конечен. А осмотреть художественное наследие Милана невозможно. В Брера³ под вечер (работает допоздна – пользуйтесь!) за буфетным столиком, над ним, добивая, нависают ренессансные мраморные грации, вы шлете самоубийственное сообщение начальнику и меняете авиабилет. Есть мастера слаломы, достигавшие сорок восьмого зала Уффици, но они и не останутся в Милане. Сядут в арендованное авто и умчатся осматривать Бергамо, ночуют-то они в Комо.

¹ Формаджио (ит. formaggio) – сыр.

² Кавист – сотрудник специализированного магазина, помогает выбрать вино.

³ Брера – старинный квартал Милана, здесь находится Пинакотекка Брера.

NO ANDREU AFFIAN
I MARCHE A LE GRAZIE SPESA IN SORRIDI L'ED
NEL 1870 FARELL
AMICI ED INTERIORI DETAGLIA IN SORRIDI
CONSERVANDO
NEDIC CA L'ED

Бертель Торвальдсен. Памятник «Три грации» с посвящением Андреа Анпиани в буфете пинакотеки Брера.

Старинное укрепление, для других городов – кремль, для миланцев так – замок, заботливо разделило свою коллекцию на пяток музеев. Не пытайтесь объять необъятное! Даже в Музее современного искусства притаились Канова и Строцци. Хоть одна работа Тьеполо висит в каждом частном палаццо, и его со временем откроют для публики. Здесь размах во всем. Сейф старинного банка так велик, что сейчас в нем проводят выставки. Шляпу великана спустили на воду кораблем. С трепетом лилипута я стоял перед входом в этот зал через многослойную дверь с замком Sargent & Greenleaf.

Городским художником миланцы назначили Леонардо да Винчи, только он сомасштабен их городу. Чем художник занимался в Милане? Рисовал – скажем мы. Капли с его кистей долетели до Парижа, Кракова, Петербурга. Современников мастера более занимали его декорации балов, пиров и шествий. Леонардо – один из столпов фешен-индустрии и дизайна. «Один за всех!» – орали по всей Европе головорезы, заводя ключом леонардовский замок пистолета. Имя Леонардо должно примирить и соединить два потока – спешащих на мебельный салон и заказывающих билеты на «Тайную вечерю».

Милан большой, в нем найдется место и для Петра Дивина. Великие произведения вызывают закономерное, пусть и

незаконное, желание украсть. Велеречивые каталоги с описанием былых побед – выставок, покупок, дарений – и сводки с полей аукционов лишь подстегивают тягу к обладанию. Путешествующее большинство довольствуется сувенирами музейных развалов и селфи на фоне шедевра. Натуры творческие вышивают предмет страсти или пишут биографию автора. Самые верные становятся музейными служителями. Я же придумал влюбленного в искусство героя – Петра Дивина. Его хобби – расследования в церквях и музеях, где уликами выступают уникальные артефакты. Автор ворует их в свои истории, а Дивин возвращает.

Когда-то любители изящных искусств возмущались художествами Брокера. «Варвар», – шептали они. «Ароматный Генрих», – как звали другие, не искушенные в искусстве, москвичи лучшего российского парфюмера, собрал огромную коллекцию. Живописная ее часть ставилась в ряд с Эрмитажем, Русским, Третьяковкой. Четвертым шло собрание Генриха Брокера. В собрании хранились отменные картины разных периодов, но личной страстью парфюмера стала бронза. Причем он ее периодически перебирал. Лампы, канделябры, жирандоли почти всегда разборны, детали подсвечников нанизаны на единую ось. Генрих по своему вкусу составлял светильники: «Низ льежский, тулово английское XIX века, нет, ставим ренессансное, а розетки сюда пойдут русской работы»... Когда ему говорили, что это варварство, Брокер возражал: «Я коллекционер – полноправный участ-

ник культурного процесса!»

В своих детективах я жонглирую зданиями и картинами. Все они существуют и не покидали храмов и площадей, но тасует автор их по-своему. Если герой нашел в некоем музее картину, то и вы ее там обнаружите. Но история, рассказанная про эту работу, может не понравиться строгому искусствоведу. Петр Дивин не пишет историю искусства. Он покинул многотомную твердыню, огражденную авторским правом и неприступным авторитетом знатоков. Плывет по изгибам дворцов и гравюр над зыбями стихотворений под нейтральным флагом, придумывает квесты для детей и сталкивается с антикварными айсбергами.

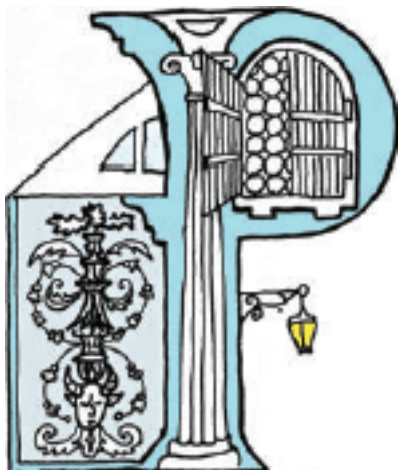

Каналы Милана.

В каждом городе мне хочется найти уникальное место, вне топ-30, совершенно не известное публике. Приедем и горожанам, а они еще те знатоки! – местные же сами в море не купаются и по церквям не ходят, оставляя познавательную суету туристам. В Вероне такой *terra incognita* стали ка-такомбы – подземные коридоры Арены и потерны фортов. А в Милане я оказался там, куда не нужно ползти или знать секретный фарватер, и был поражен красотой, по силе воздействия сравнимой с Брера и Дуомо, и отсутствием туристов. Все там будем, обычно говорят про это место, и стара-

тельно огибают. Уж лучше вы к нам! Правда, второе – еще менее удачный вариант... Мне нравится оживлять улицы и классические музеи. Это мои виньетки на полях любимых городов. Надеюсь, они украсят и ваши путешествия.

Искушение ума и глаза

ай выглядел так: прохладный, полутемный палаццо, в каждой комнате которого можно уютно расположиться четырьмя-пятью способами. Фраза позаимствована у Стендаля, а он, как известно, любил Италию любовью болезненной – задыхался, падал в обморок и терял способность здраво размышлять от обилия красот. Глаз, утомленный мраморными завитками, чередой картин, многослойной вышивкой, старался ухватить что-то одно, самое необычное. Старинный горшок с краником – малахитовый с пеной сталактит ниже вмятины, неожиданной формы горлышко, голова горгоны на боку – висел на цепи над медным рукомойником. На бронзовом хоботочке блестела кап-

ля. Значит, умельцы просверлили звенья цепи, кронштейн и превратили горшок в умывальник. Руки запоминали свое: холодные входные порталы; на стенах объемный шелк, с выстриженными гербами; шероховатость наборных столов – сдвинуть военную карту – не карта, а изрешеченная иглами флажков мишень. Щелчок – и с кованых светочей рушится многолетний слой пыли, струится на седые вытертые ковры, словно присыпанные пеплом лучин и каминов.

Но молчать неловко... Камин? Да, из разных мест, а вот этот по рисунку дедушки. Панели? Из церквей... Нет, нет, маленьких давно закрытых церквей! Ванна? Работает, ее резали по собственному проекту дедушки. Почему посереди-

не дома и вровень с полом? Он жил один и сделал ванную комнату рядом со своей спальней.

Мозг же хватался за прозаическое. Дверные полотна заполнены круглыми стеклянными шайбами в металлической оплетке, в центре рисунок красками на стекле потоньше. Сколько же весят такие двери? Ворох одежды, эти орнаменты на крепдешине вышли из моды в восьмидесятые⁴, на огромной резной кровати. На стене двухъярусный иконостас – настоящий иконостас с большой мадонной в окружении святых. Ниже, по бокам резного изголовья, еще один ряд святых и ближе всего к кровати – утыканный стрелами Себастьян. А на изголовье? Толпа, какие-то всадники с копьями по центру... Взятие города? Нет. Правее виден крест, придавленная крестом фигура. Как можно спать на такой кровати? Хотя, если хозяин жил один...

Как вообще можно спать, есть, читать газеты в музее? Каково это: опускаясь на стул, помнящий Леонардо, зацепиться ногой за ковер разорившегося соседа-графа и пролить вино на мраморные виды Ломбардии? Выбросить кресло времен Рисорджименто⁵, так как подвернулось ренессансное. И постоянно видеть перед собой распятия. Может быть, хозяин превращал свое жилище не в кладовую муз, а в монастырь? И для него древность произведения становилась гарантией

⁴ Имеются ввиду 1980-е годы.

⁵ Рисорджименто – период объединения земель, завершившийся созданием Итальянского королевства в 1861 году.

подлинного религиозного переживания?

Книги громоздились стопками по бокам кресел, освобождая место на мраморных столешницах для бумажногохлама и россыпей карандашей. Смешно, если Сакко и Ванцетти⁶. Затененные антиквариатом обмотанные вокруг канделябров удлинители выдавали свой третий пластик за слоновую кость. Змейки-зарядки свешивали слепые головки, прикушенные крышками шкатулок.

– Леонардо, – буднично произнесла хозяйка, покидая комнату.

Обнаженная молодая женщина с поднятой рукой на фоне гор. Лицо прописано мягко и гладко, сбоку, от окна смотри – ни единого мельчайшего следа кисти не видно. Манерные руки и чуть увеличенные мужиковатые черты лица. Пушистые, словно взбитые, кудри висят над плечами, и за ними голубеющая даль. И сияние. Такое сияние особенно получалось у венецианцев в XV–XVI веках. Недаром все их дамы изображены златовласыми... Дивин запустил руку за раму, добрался пальцем до шершавой изнанки – холст. Возможно, это сто первая работа учеников мастера, но сам Леонардо на холсте не писал...

Рай выглядел так: круглый остров, отделенный невысоким золотым парпетом от плеска нежных кобальтовых волн. Ноги Евы мягче свежей травы, стройнее тонких стволов, свет-

⁶ Московский завод пишущих принадлежностей имени Сакко и Ванцетти, функционировал до 2007 года.

лее золотистых колонн. Над источником вздымается паутина беседки, выведенная кистями в три волоска. Шпили в шишечках – стрелки не оставляют сомнений – время готики: тройные арочки, аркбутаны и нервюры на нужных метках. Ева уточняет обнаженным изгибом – поздней готики. А мускулистый Адам вольным разворотом ставит точку – переход к Ренессансу. Ева соткана из воздуха сада, из обтекающего эфира. Ева самая живая на рисунке – она цвета выбеленного пергамента, на котором и нарисован рай. Адам смуглее – успел загореть в Эдеме, пока ждал подругу. Искуситель кажется отражением Евы, тот же нос и пробор в пушистых волосах, два яблока справа и слева, только зеркало поясное – ниже пупка амальгама завернулась вокруг дерева, расплескалась драконьими лапками, как витая зеркала ручка. Изысканный тончайший рисунок и всего три краски. Синяя мантия Бога Отца в купе с зеленою листвою порождают волны и траву. Сияют единым пигментом волосы Евы, нимб Бога, сени, ворота, яблоки. И только архангел горит киноварью.

– Петр... Петр. Петр! – вывел Дивина из забытья голос хозяйки.

Грабарь вспоминал первые дни выставки русского искусства в США в 1924 году. Ньюйоркцы оказались излишне чопорны. Их смущали деревянные обнаженные Конёнкова. Ожидая известного американского коллекционера, скупавшего русское искусство, нарочно поставили в середине зала голову Христа. Но собиратель заметил по углам голых и сбе-

жал. Дивина, наоборот, завлекали страницей с четырьмя обнаженными Евами. Рисунок неброский, фигурки маленькие, но подойдешь – не оторвешься. Был ли палаццо раем для любителя древностей или соблазном, искушением богатством и сноровкой старых мастеров?

Пюпитр с книгой стоял в двусветном зале. Дивин ощущал себя участником Великого посольства. Он по привычке распутывать культурные коды потянул клубочек ассоциаций. Почему возникла именно Петровская эпоха? Диковатый москвит в европейском дворце? Нет. При всей самоиронии Дивин настолько хозяевам себя не противопоставлял, скатерть от салфетки отличал и от третьего бокала в незнакомом доме отказывался. Ну, от четвертого точно! Скорее внешние приметы: потертые панели темного дерева, мебель на толстых ножках и пол... Конечно, главное – пол, выложенный черным и светло-розовым мрамором. Как на картине «Петр I допрашивает царевича Алексея». Только здесь в узоре большие и маленькие плитки, а у Ге шло жесткое чередование черных и белых квадратов – герои помещены на шахматное поле.

Следовало сменить мизансцену допроса.

– Где нам удобно будет поговорить? – хозяйка показала на кресла у стола, и Дивин выбрал венецианское с твердой подушкой. Опустилась напротив. Черное платье сливается с кованым высоким стулом, матовые шары подлокотников соответствуют огромным бусинам на груди. Может быть, это

любимое кресло. Или он угадал – вели его в этот зал, и рай был приготовлен для него.

– Эта комната выше остальных помещений палаццо.

– Она построена по желанию бабушки на месте внутреннего двора.

Музей Багатти Вальсекки.

Дедушка тут, дедушка там. Дивин уже разобрался, что в семье так называли Витторио Спада, деда мужа Изиль Спа-

да. Как же это звучит по-итальянски – nonno⁷ или vecchio⁸? Должно быть, nonno, vecchio бывают мосты и ворота. Итальянский Петра ограничивался несколькими кулинарными и искусствоведческими терминами. Изиль и Петр беседовали по-русски. Внук Витторио Альдо был членом коммунистической партии Италии и учился в Москве на философском факультете. А волжанка Изиль Язова поступила на соседний филологический. Альдо ли разочаровался в социалистическом образе жизни, или вмешались высшие силы – в те годы коммунисты Италии сильно конфликтовали с властными старшими товарищами, но московская часть их биографии оказалась короткой. Чтобы увезти молодую жену на родину, Альдо вызывал поддержку тяжелой артиллерии: Тольятти писал письмо Хрущеву, а Родари – Федину.

Краткую историю семьи Альдо Спада Дивин перед посещением изучил в интернете. В 1970-е Альдо переправлял на Запад работы нонконформистов и печатал труды советских диссидентов. Во время перестройки Альдо и Изиль приезжали в Советский Союз. Изиль входила в редколлегию журнала «Наше наследие», учрежденного Раисой Горбачевой. Но Петр ничего не знал о nonno.

⁷ Nonno ['nɒnno] – дедушка, старик.

⁸ Vecchio ['vɛkkjo] – старинный, ветхий, древний.

Музей Багатти Вальсекки.

– Что же строил Витторио Спада?

– Он был известнейшим архитектором перед войной, во время войны. Возводил виллы, каза – дома, публичные здания, – Изиль не стала уточнять, какие и где.

Култ дома дедушки был, а култа самого поппо не было. Где диплом в золотой раме? Среди картин не видны здания растушевкой или сангиной, на и под столами не найти архитектурных увражей. Почему? Похоже, он скоро это

узнает. «Люди не умеют молчать, особенно, если они что-то знают», – присказка Эркюля Пуаро. Дивин поднял глаза на люстру, внимательно рассмотрел тисненую ткань на стенах, перевел взгляд на камин...

– Витторио Спада не был фашистом. Нет-нет! Но он имел заказы. Много заказов по всей Италии во время Муссолини. И он строил военные объекты, – вряд ли Изиль первый раз рассказывала историю рода, но говорила она медленно и, казалось, каждый раз подбирала верное, но максимально нейтральное слово. – У Витторио Спада было трое сыновей. Первый, отец моего покойного мужа, Энрико стал коммунистом. Он работал в газете. Второй, Луиджи, в 19 лет эмигрировал, по-русски... перебрался в Америку. Да, в Нью-Йорк. И там занялся каким-то бизнесом. Третий, Сальваторе, после окончания Миланского университета уехал на раскопки в Багдад и остался жить в Ираке.

Журналист, ученый и загадочный бизнесмен – «миланский специалист». Сейчас Дивину расскажут, что они сотворили с бабушкой или чем поппо удивил сыновей.

– Три сына с отцом не общались. У них были разные взгляды и жизненные принципы. В этом доме они не бывали и впервые встретились здесь после смерти Витторио Спада. Нужно было принять и разделить наследство. Оказалось, что незадолго до смерти Витторио забрал все свои вклады из банка, продал принадлежавшие ему участки земли и дома, но братья не знали, куда их отец дел деньги. В палатцу

оставались личные вещи Витторио, мебель, картины, предметы старины, но не обнаружилось ни наличных денег, ни драгоценностей, которые помнили сыновья. Часы, перстни, женские украшения, табакерки передавались в роду Спада и занимали не одну шкатулку. Сыновья хорошо помнили, как они играли ими в детстве.

– Энрико обошел миланских адвокатов и банкиров. Никаких следов покупок, вложений, инвестиций не нашлось. Никто не мог рассказать, куда Витторио Спада потратил свои немалые богатства.

– Церковь? – Петр вспомнил удивившие его иконы в спальне.

– Витторио Спада был мизантроп. Но в старости многие чудят, – последнее слово Изиль произнесла нарочито отчетливо. Она-то сохранила стать светской дамы и светлую голову в преклонном возрасте. – Братья обратились к епископам и приорам орденов – следов пожертвований не обнаружили. Сальваторе, археолог, связывался со знакомыми учеными в разных странах и просил разузнать о своем отце. Ни в Азии, ни в Африке его не видели. Нет, невозможно представить Витторио с мешком драгоценностей в заброшенном монастыре где-нибудь в... Ливии.

– Я знаю, что вы спросите сейчас. Луиджи через своих друзей стал выяснять, не замечали ли рядом с дедушкой в последнее время женщин. Витторио Спада жил один и последние годы почти ни с кем не встречался. К нему приходили парикмахер, почтальон с газетами, посыльные из магазинов, рабочие. Как видите, братья изучили жизнь отца.

«Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог», – Дивин удержался, не произнес вслух.

– В первые месяцы они перерыли весь дом. Но ничего не

нашли. В палаццо стал жить старший сын Энрико. Братья Луиджи и Сальваторе забронировали комнаты, извините, сохранили свои комнаты. Но они редко приезжали в Милан. Когда в палаццо стали жить Альдо и я, Сальваторе несколько раз врывался с новыми идеями, он же студиозо, археолог. То он проверял, не было ли во дворе старинного засыпанного колодца, то выяснял, когда меняли балки на крыше.

– И что же Сальваторе нашел в книге? – пора делать ответный ход. Хозяйке должно быть приятно, что она не ошиблась в выборе собеседника.

– Что вы, в книге нашла я!

Изиль взяла со стола плотный небольшой лист, цветом и фактурой напоминавший сыр пекорино, с каллиграфически выведенными черными чернилами словами и цифрами.

DALLA COLONNA PIRAMIDALE 144R–147R VAI
TRA 25V. ALLA 17R E 57R SVOLTARE A SINISTRA.
ALLA 54V VAI A SINISTRA. PASSA OLTRE 64V E
CERCA IL TESORO NELLA 193R.

– Неужели пергамент? – Дивину надо тянуть время. От него ждут очередной догадки. Он не на аттестации сыщиков-любителей, может просто спросить, что же это значит, но интеллектуальная игра должна быть изящной и вестись по правилам. Сейчас его ход.

– Я же почти не знаю итальянский. Переведите мне эти слова.

Морщинистый палец с блестящим серебряным ногтем, даже маникюр был под стать кованому креслу, уперся в начало фразы.

– От колонны-пирамиды, цифры 144 ве 147 ре, идите

между, цифру вы видите, 25 ве. У 17 ре и 57 ре поверните налево. У 54 ве идите левее. Пройдите мимо 64 ве и ищите сокровища в 193 ре.

ИТАК, ПЕРЕД НИМ НЕКИЙ МАРШРУТ. ЦИФРАМИ ЗАШИФРОВАНЫ КЛЮЧЕВЫЕ ТОЧКИ МАРШРУТА – ПОВОРОТЫ, ОРИЕНТИРЫ. У КАЖДОЙ ЦИФРЫ ЕСТЬ БУКВА – V ИЛИ R. ЕСЛИ РАСПОЛОЖИТЬ ВОСЕМЬ ЦИФР ПО ПОРЯДКУ, ПОЛУЧИТСЯ СЛЕДУЮЩАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ: 17, 25, 54, 57, 64, 144, 147, 193.

Пока логики в этом сочетании Дивин не видел. Нумерация домов? Начать от колонны-пирамиды и поворачивать у зданий с указанными номерами. Дополнительные буквы – 25 v – 147 r? Вправо – влево, r – right, тогда где left? Как будет «право – лево» по-итальянски, Дивин не знал.

Вр-р-р, рв-в-в... Всплыло слово «реверс», в нем были нужные буквы, но в пару к нему шел «аверс», начинавший-ся с а. Чего еще может быть 193? Дивин собрался просить о подсказке и тут – о, этот терпкий вкус догадки! – понял, что подсказка в комнате присутствует. Он развернулся к книге на пюпитре. Между страницами виднелись закладки. Одна слева и несколько справа от раскрытой миниатюры с четырьмя нежными Евами. Одна закладка слева, значит, на семнадцатой странице, разворот – двадцать пятая, и справа должны свисать шесть закладок. Примерно столько их и было.

– Иллюминированная рукопись! – вышло выпендриво, но такой уж тон выбран в этом палаццо. Играть так играть! Дивин с видом экзальтированного умника победно развел руки. – Цифры – страницы или номера миниатюр.

Изиль Спада умела держать и лицо, и паузу. Но и Петр мог спокойно помолчать пару минут. У него было преимущество, он не проситель, а гость – его позвали в палаццо Спада, значит, от него чего-то хотят, и рано или поздно хозяйке придется обратиться к нему. Но на таких креслах, под такой люстрой не хотелось обострять, и Петр подал удобный мяч под удар.

– Но я не знаю, что означают буквы v и r.

– Recto verso – лицо и оборот. Две стороны одной медали.

– По-итальянски? – поддавки тоже игра. И Дивину от Изиль Спада была нужна загадка, а не восхищение его способностями. Какое восхищение, возможно, семья Спада искала ответ не один год.

– По-французски!

Много лет назад в молитвеннике Витторио Спада Изиль нашла лист пергамента с ребусом. Слово «сокровища» намекало на спрятанное наследство. В Милан приехали братья Луиджи и Сальваторе. Энрико к этому времени скончался, и его представлял единственный сын – Альдо. Значение цифр с буквами не могли разгадать долго, перебирали разные варианты: номера домов, маршруты транспорта, отметки высот в Милане, годы. О страницах книг также думали и за со-

ветом обратились к знакомому антиквару. Он и подсказал, что это распространенное обозначение страниц в рукописных книгах.

V–VERSO ЛЕВАЯ ЧАСТЬ РАЗВОРОТА, R –
РЕСТО ПРАВАЯ ЧАСТЬ РАЗВОРОТА.

Следовало найти ключ к шифру – книгу. Луиджи и Сальваторе вспомнили, как часто в детстве отец рассказывал им о прекрасном часослове, самой красивой книге на свете, как считал Витторио. Созданный во Франции часослов сменил несколько владельцев и некоторое время принадлежал семье Спада. Столь велика была цена книги, что ее не стали продавать, а обменяли на земли в Лигурии и два палаццо в Генуе. В семье остались копии первых двенадцати картин, миниатюрами назвать их сложно, размером в нынешний писчий лист. Двенадцать месяцев, двенадцать замков Франции, двенадцать занятий и видов досуга по временам года.

Великолепный часослов герцога Беррийского, цикл «Времена года»: «Февраль», «Август».

Эти листы Витторิโอ показывал перед сном сыновьям. В его вечерних сказках кавалькады придворных дам оживали и спасались от драконов в неприступном замке месяца марта, дракона в густом лесу разыскивали ноябрьские свиньи, а травили его охотники декабрьской картинке сворой белых и соловых собак. Луиджи больше нравились праздные процессии, а Сальваторе предпочитал изучать ремесла и устройство городов. При этом любимой картинкой обоих братьев ока-

зался февраль. Что поразило мальчиков? Пушистые сугробы, невиданные в Милане, или было что-то фривольное на этой заснеженной странице? Со смехом вспоминали Лиуджи и Сальваторе и месяц август со странными купальщиками. Погружаясь в воду, толстоногие пузанчики превращались в мохнатых чертей с длинными хвостами.

Позже, выясняя судьбу часослова, братья узнали, что на шафрановом сафьяновом переплете когда-то красовался герб Спада, но следующий владелец переплел книгу заново и повелел оттиснуть свой герб на красной коже, его цветом была киноварь. С конца XIX века часослов хранился в замке под Парижем, в замке под замком: по закону манускрипт не мог покидать свое убежище даже для выставок. Искусствоведы называли его «Великолепный часослов герцога Беррийского» по первому владельцу. После Второй мировой войны часослов несколько раз воспроизводили в цвете по частям и целиком. Но перед Дивиным лежали не фотографии, а точнейшее факсимильное воспроизведение часослова: только приблизив глаза к самому листу, можно было различить, что некоторые тончайшие линии расплываются, а наощупь понять, что для старинной кожи страницы слишком гладкие и упругие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.